

Литературоведение

УДК 821.133.1; 82.091

Бриль Жанна Владимировна
Преподаватель иностранных языков,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского;
Российская Федерация, Симферополь, e-mail: zhannabril@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ «МОСКОВСКОГО ТЕКСТА» ВАЛЬТЕРОМ БЕНЬЯМИНОМ

Статья посвящена исследованию предпосылок создания «московского текста» Вальтером Беньямином, обусловленного пребыванием немецкого философа и писателя в столице молодой Страны Советов. Предметом внимания стали факты личной и творческой биографии Беньямина, нашедшие отражение в «Московском дневнике» писателя и его очерке «Москва».

Ключевые слова: творчество Вальтера Беньямина, авторская оценка, художественный образ, образ чужого, московский текст.

Zhanna V. Bril

Teacher of foreign languages, Crimean Federal University
named after V. I. Vernadsky; Russia Federation, Simferopol

BACKGROUND IN CREATION OF «MOSCOW TEXT» BY WALTER BENJAMIN

Abstract. *The article is devoted to a research of background in creation of «Moscow text» by Walter Benjamin, conditioned by the stay of the German philosopher and writer in the capital of the young Land of Soviets. The subject of attention was the facts of Benjamin's personal and creative biography, reflected in the «Moscow diary» of the writer and his essay «Moscow».*

Keywords: *Walter Benjamin's creativity, author's assessment, artistic image, image of the stranger, Moscow text.*

Для цитирования:

Бриль Ж. В. Предпосылки создания «московского текста» Вальтером Беньямином // Гуманитарная парадигма. 2018. № 1 (4). С. 40–48.

Творческое наследие Бенямина — писателя, искусствоведа, философа и социолога — не при жизни, но спустя полвека — к концу XX столетия было оценено по достоинству: автор из никому не известного эссеиста станет одним из авторитетных и наиболее на сегодняшний день цитируемых теоретиков культуры XX столетия. Вальтер Бенямин признан ныне и первым постмодернистом, и непосредственным основоположником современной теории культуры.

Произведения Бенямина, созданные в жанре художественной документалистики (дневники, очерки, эссе и др.), представляют собой довольно глубокие исследования, результаты которых изложены в высокохудожественной форме. Среди произведений писателя особый интерес вызывают «московские тексты» — прежде всего, «Московский дневник» и очерк «Москва», удивительно ёмкие по своему образно-семантическому потенциалу. Настолько ёмкие, что их научное постижение осуществляется в последние десятилетия в серии трудов ряда исследователей (С. А. Ромашко, М. К. Рыклина, М. Э. Маликовой), а также в ходе острых дискуссий на специально организованных конференциях и семинарах.

Факторы формирования индивидуально-авторской позиции восприятия действительности и последующей её репрезентации посредством художественных образов в науке о литературе традиционно принято выявлять путём изучения биографии писателя, которая рассматривается как необходимое условие постижения его художественного мира. Особую важность для постижения специфики призмы авторского восприятия биографический метод обретает при проведении литературоведческих исследований художественной документалистики, или «литературы факта», к жанрам которой относятся очерк и очерковые циклы, путешествия, дневники, записки, газетная и журнальная публицистика, эссе, мемуары, жизнеописания, биографии и автобиографии [8, с. 5].

Вальтер Бенямин прибыл в Москву 6 декабря 1926 года. При этом, как утверждает в своих воспоминаниях близкий друг писателя Г. Шолем, предпринятая поездка должна была прояснить три вопроса. Прежде всего, отношения с Асей Лацис, во-вторых — знакомство с ситуацией в России изнутри, возможно, даже закрепление в стране и разрешение для себя вопроса о членстве в Коммунистической партии Германии, над которым Бенямин размышлял уже два года. Наконец, немаловажным был и тот факт, что ещё до поездки он получил редакционное задание, для выполнения которого «приходилось размышлять о городе и жизни в нём, чтобы составить некий „портрет“ Москвы» [10, с. 16]. Важности этому обстоятельству придавало и то, что пребывание Бенямина в России финансировалось во многом за счёт гонораров за статьи о путешествии по Стране Советов. Однако, как подчёркивает М. К. Рыклин, посещением Москвы Бенямин также

надеялся удовлетворить личный интерес к России, к истории русской революции. «Москва была в глазах многих западных левых интеллектуалов, — поясняет исследователь, — пульсирующей точкой современности, с которой связывались большие ожидания. Бенъямин приехал в Москву не только из-за любви и работы, но и для того, чтобы увидеть Революцию в колыбели, проверить на себе её утопический потенциал» [7, с. 214].

Воспоминания Г. Шолема фиксируют факт, что Вальтер Бенъямин вначале своего знакомства с Россией был полон жизнеутверждающих надежд: «Очень характерно для его первоначального оптимистического настроения письмо, которое он написал мне 10 декабря 1926 года, всего через четыре дня после приезда...», — отмечает друг Бенъямина [10, с. 119]. А из дневника писателя известно, что в столице он совершал продолжительные прогулки, посещал достопримечательности города и разнообразные конторы, службы, магазины и кафе, искал, ведомый своей страстью к коллекционированию, и приобретал русские народные игрушки. Особое внимание Бенъямин уделил знакомству с фильмами советских режиссёров: Вертова, Эйзенштейна, Кулешова и др.

В эмоциональном плане состояние Вальтера Бенъямина во время его нахождения в Москве можно охарактеризовать как растерянность. Это подтверждает, в частности, анализ текста его небольшого письма Зигфриду Кракауэру, отправленного из России в 20-х числах декабря 1926 года: «Дорогой господин Кракауэр! Я мог бы привести кое-какое оправдание своего долгого молчания. Лучшим будет то, что Ваше последнее письмо ко мне заканчивается словами: „Для кого писать? Знаете ли Вы ответ?“ Над таким вопросом действительно можно промучиться целых два месяца и не прийти ни к какому результату. Если же по правде, то я боролся здесь несколько недель с внешним морозом и внутренним огнём — надеюсь, не напрасно. Но у меня почти не остается сил для текущей работы, которую я должен закончить. Близится моё возвращение. <...> Отсюда я всё равно не смогу дать подробных вестей, поскольку мне надо до последнего момента наблюдать и размышлять, чтобы потом написать сколько-нибудь вразумительный итог моей поездки — который никак не может претендовать на большее, чем беглая картинка Москвы. Правда, смотреть на этот город можно без конца» [2, с. 203].

Очевидно, что «борьба с внешним морозом и внутренним огнём» отнимала у Бенъямина силы, необходимые не только для творчества, но и для общения (переписки) с друзьями. Вместе с тем, Москва стала для писателя источником множественных ярких впечатлений, осмыслить которые Бенъямину представлялось возможным только по окончании поездки (при подведении её «вразумительного итога»).

Как показало исследование последнего времени, опыт пребывания

Беньямина в Москве совпал по времени с его внимательным чтением Кафки [5, с. 3]. Именно поэтому в восприятии Беньямином Москвы во многом прослеживаются кафкианские мотивы (в частности, это касается отмеченных Беньямином «зон иррационального» в Москве, характеризующихся запутывающей, иногда зловещей сложностью).

С. А. Ромашко утверждает, что писателя Москва оттолкнула. По его мнению, очерк «Москва» выдает «растерянность автора, явно почувствовавшего, что ему нет места в этом городе — а ведь он отправлялся в поездку, не исключая возможности переселиться в страну, заявившую о намерении построить новый мир» [6, с. 9]. Растерянно наблюдая за жизнью российской столицы, Вальтер Беньямин постепенно утратил свои оптимистические ожидания от этой поездки — как в личном, так и в профессиональном плане. Относительно последнего, необходимо отметить, что, планируя поездку в СССР, при согласовании её с советским руководством Беньямин получил от редакции «Большой советской энциклопедии» заказ на статью о Гёте и, по словам С. А. Ромашко, «вдохновился задачей дать материалистическую интерпретацию личности и творчества поэта» [6, с. 9]. Писатель расценивал это задание как вызов — себе как художнику слова и всей немецкой литературоведческой традиции, поэтому в Москве рьяно принялся за работу. Итогом её стало «достаточно странное эссе (трудно не согласиться с редакцией, решившей, что в качестве энциклопедической статьи оно явно не подходит), лишь частично использованное для публикации в энциклопедии» [6, с. 9]. Проблему составляла как особая смелость работы (или «дерзость», в обозначении самого Беньямина [6, с. 47]), так и в значительно большей степени наличие слишком прямых, упрощенных интерпретационных ходов, а также до конца не прояснённых, явно непроработанных мест. Но были и находки, которые давали понимание дальнейшего направления работы Беньямина. Философ обладал способностью в мельчайших деталях угадывать нечто, неожиданно приходя к пониманию самых серьёзных проблем. Таким было, например, проходное, на первый взгляд, наблюдение о том, что Гёте избегал больших городов и за всю жизнь ни разу не был в Берлине. Однако для самого Беньямина, жителя большого города, этот факт имел большую важность: в дальнейшем философ пытался осмыслить историю европейской культуры XIX–XX веков именно через жизнеощущение городов-гигантов [6, с. 10]. Отказ «Большой советской энциклопедии» от публикации статьи Беньямина о Гёте разочаровал писателя и усугубил нарастающее во время пребывания в Москве чувство растерянности.

В свой приезд в Москву Беньямин рассчитывал также наладить связи со столичной литературной средой, однако это ему как человеку, не владевшему русским языком, но при этом пытливо ищущему глубокое содержание в

каждой увиденной им форме (вещи), в каждом наблюдаемом явлении, осуществить не удалось. И здесь писателя ожидало горькое разочарование. По данному поводу Г. Шолем убеждённо утверждал, что практически все, с кем Беньямину удавалось наладить хоть какие-то отношения, были почти исключительно евреи — в большинстве своём представители оппозиции, политической или художественной [10, с. 66]. Успешными в стремлении «нащупать почву» в Москве для Беньямина стоит признать «не лишённые драматизма» отношения с человеком, имевшим прочные связи в московской культурной среде, — режиссёром Бернхардом Райхом (ранее служившим в театре «Дойчес театер» в Берлине), спутником жизни Аси Лацис (а в последние годы — и её мужем) [10, с. 66]. Но и эти отношения с Райхом Беньямину было сложно поддерживать — уже в январе 1927 года между ними серьёзно обозначилось расхождение.

Однако основную тональность нахождения Беньямина в Москве определили крайне непростые отношения с Асей Лацис. В момент прибытия в Москву Беньямину исполнилось тридцать два года, его возлюбленной — было тридцать три. На то время она многое пережила: бегство из Риги, где едва не была арестована за руководство агитационным театром; осенью 1926 года Ася перенесла нервный срыв, о чём Беньямина известил Бернгард Райх [9, с. 30]. Несмотря на то что к приезду писателя в Россию Ася почти выздоровела и на тот момент уже находилась на полусанаторном лечении, Беньямин принял решение ехать и с большим трудом (с которым сталкивались многие иностранцы в желании посетить СССР) добыл визу. Изредка Ася навещала Беньямина в гостинице, однако даже во время таких встреч «эта странная любовь по большей части выражалась в идеологических спорах» [Там же]. Изумление «по поводу этой пары, которая только тем и занималась, что ссорилась» [10, с. 67] выражали все, видевшие Беньямина и Асю Лацис вместе. Много свидетельств тому содержит и дневник Беньямина. Одна из его дневниковых записей, сделанных в Москве, открывается ремаркой: «День сплошных неудач» [2, с. 25]. Поясняют её несколько красноречивых случаев: Беньямин появился у Аси с билетами на балет в Большой театр. Ася отказалась, отметив буржуазность балетного искусства и сославшись на занятость. Беньямин, провожая возлюбленную, вместе с ней выходит на улицу, но Ася вдруг вспрыгивает на площадку проезжающего мимо трамвая, машет рукой и посылает воздушный поцелуй своему спутнику, безуспешно пытающегося догнать трамвай [2, с. 43]. Или: накануне Нового года в десять утра Ася заходит за Вальтером, вызвавшегося сопровождать её к портнихе. Будучи не в настроении, Ася укоряет Беньямина в разных пустяках, от которых в результате переходит к серьёзным упрёкам, что Вальтер впутывает в их отношения Райха [Там же]. Некоторую сбивчивость настроений возлюбленной (от досады от разорвавшейся не вовремя блузки до идейных

разногласий в том числи и относительно чувств: любви, ревности, к относилась с презрительно как к пережиткам собственнического общества) демонстрирует и такая ситуация: «Вечером спектакль „Даёшь Европу“ в театре Мейерхольда. Против ожидания Ася приходит вовремя, на ней необыкновенный ярко-жёлтый платок, стянутый на груди. Гладкие чёрные волосы разделены пробором и собраны сзади в узел. В антракте они выходят на лестницу, и Ася неожиданно обнимает Бенямина. Или это ему показалось? На самом деле она просто хочет поправить ему воротничок и галстук.

В половине двенадцатого выходят из театра <...>. Оказывается, Бенямин даже не подумал, где они будут встречать Новый год. Печально и молча он плетётся следом за ней. Они останавливаются перед подъездом, и философ униженно просит эту загадочную женщину поцеловать его напоследок в Старом году. Она отказывается. Он возвращается в свой отель, а там — Бернхард Райх с вином и закуской. Райх рад, что Бенямин не у Аси, Бенямин не скрывает радости от того, что Ася не ушла к Райху. И оба чокаются» [Там же].

Постепенно — но от этого не менее болезненно — Бенямин расставался в Москве со своими надеждами. И всё же сохранял присутствие духа и сберёт симпатию к России, даже после осознания того, что ему в ней не место, и вопреки тому, что происходило в стране в 30-е годы [6, с. 9]. Самым ценным, что увёз он из СССР, оказались не впечатления от встреч с деятелями культуры, а коллекция народных русских игрушек. В них писатель видел то, чего ему так не хватало жизни: непосредственность и соразмерность человеческому восприятию, характерную для изделий доиндустриального времени.

В целом, пребывание Бенямина в Москве находит неоднозначные оценки у исследователей, интересующихся данным периодом жизни и творчества писателя. Г. Шолем называет эту поездку «историей неудачного домогательства» [10, с. 11]. Напрасные ожидания, постоянная отверженность и, в конечном итоге, отчаяние — так может быть охарактеризовано состояние Бенямина в Москве или та личностная призма, сквозь которую он изучал этот город и — шире — знакомился с Россией.

М. Э. Маликова убеждена, что пребывание философа в Москве в течение двух месяцев зимы 1926—1927 годов, на самом деле представляет собой органическую часть философского проекта Бенямина [4, с. 421]. Исследователь обосновывает, что задача, которую главной задачей Бенямина в это время — при множестве субъективно личных и профессиональных мотивов его поездки — была сугубо философская, в высшей степени сложная и парадоксальная установка. В начале эссе «Москва» она декларирована в предельно сконцентрированной форме: «единственная по сути порука

правильного понимания — занять позицию еще до приезда. Увидеть что-либо именно в России может только тот, кто определился. В поворотный момент исторических событий, если не определяемый, то означенный фактом „Советская Россия“, совершенно невозможно обсуждать, какая действительность лучше или же чья воля направлена в лучшую сторону. Речь может быть только о том, какая действительность внутренне конвергентна правде? Какая правда внутренне готова сойтись с действительностью? Только тот, кто даст на это ясный ответ, „объективен“. Не по отношению к своим современникам (не в этом дело), а по отношению к событиям (это решающий момент). Постигнуть конкретное может лишь тот, кто в решении заключил с миром диалектический мирный договор. Однако тот, кто хочет решиться, „опираясь на факты“, поддержки у фактов не найдет» [1, с. 163–164]. Таким образом, Беньямин ещё до приезда в Москву имел чёткую философскую и «производственную» позицию, чтобы «заставить заговорить само тварное беспрецедентно новой реальности в её настоящий момент» [2, с. 9].

В соответствии с избранной позицией итогом двухмесячного пребывания писателя в Москве стало не только разочарование и признание очередных в его судьбе неудач, но и написание так называемых «московских текстов», относительно количества которых мнения исследователей расходятся.

Первый «московский текст» — это «Московский дневник», который Беньямин вёл на протяжении своего пребывания в России, ежедневно занося в него свои непосредственные впечатления. Поразительна точность воспроизводимых писателем фактов, в которой с редкой интенсивностью сочетаются наблюдательность и воображение. Значительную часть дневника составляют описание попыток — в конечном итоге безуспешных — завязать отношения с представителями и функционерами литературной и художественной среды. Единственным обстоятельно и широко развёрнутым местом в дневнике являются размышления Беньямина о вступлении в коммунистическую партию, которые после всех «за» и «против» — а главное, осознание границ, за которые переступать не был готов — привели к отказу от этой идеи. В этих личных записях нашли отражения события и впечатления московского этапа общения с Асей Лацис и, разумеется, материалы наблюдения за жизнью в Советской России, которые затем позволили Беньямину сконструировать её образ в эссе «Москва» и более поздних текстах, написанных уже по возвращении в Европу. К последним относятся четыре статьи, опубликованные в начале 1927 года, написанные Беньямином по договоренности с журналом «Die Kreatur» Мартина Бубера. Каждая из этих статей в своей основе содержит сильно переработанный материал, запечатлённый в дневнике писателя. Согласно ёмкой характеристике Д. Кожановой, редакционное задание обернулось «причудливой коллекцией мыслей, впечатлений, воспоминаний, а личный, казалось бы, документ —

произведением искусства» [3, с. 26].

По утверждению С. А. Ромашко, Вальтер Беньямин трижды писал о Москве: впервые — зимой 1926-1927 года, заносая после прогулок по этому загадочному для него заснеженному, пугающему, но притягательному городу торопливые, порой путающиеся строчки в свой дневник; второй раз — уже после возвращения из России, в начале 1927 года, превращал свои ещё свежие воспоминания в «изящный, но полный скрытого напряжения, очерк «Москва»; третий раз — спустя год в рецензии на вышедший в Германии альбом фотографий Москвы [6, с. 7].

Более широкий перечень «московских текстов» приводит М.Э. Маликова, относя к их числу, прежде всего, «Московский дневник», подневно заполняемый Беньямином в Москве (опубликован лишь в 1980 году) и эссе «Москва» (журнал «Die Kreatur», 1927 г.). К корпусу московских текстов Беньямина исследователем также отнесены заметки, опубликованные в 1927 году: «Новая литература в России», «О положении русского киноискусства», «Политическая расстановка русских писателей», «Как выглядит театральный успех в России», «Режиссер Мейерхольд в Москве ликвидирован?», «Литературный суд над инсценировкой «Ревизора», рецензия на роман Ф. Гладкова «Цемент» и рецензия 1928 года на альбом московских фотографий Алексея Сидорова, заметка «Грановский рассказывает», «Программа пролетарского детского театра», написанные в конце 1928 — начале 1929 г., эссе «Русские игрушки» 1930 года [4, с. 347].

В целом, на основании проведённого анализа поездки Вальтера Беньямина в Москву, предпринятую зимой 1926-1927 гг., следует признать органической частью жизнетворческого проекта Беньямина, нацеленного на поиск себя, своей причастности к реалиям, проверку собственных возможностей и ресурсов, а также на поиск общего «силового поля» — места максимальной полноты воплощённости сущего, постижение беспрецедентно новой реальности в её имманентности. Беньямина привёл в Москву целый комплекс мотивов, однако практически все его ожидания (и в личном, и в профессиональном плане) не сбылись. В связи с этим растерянность, тщетность ожиданий и, в конечном итоге, отчаяние — та личностная призма, сквозь которую преломились впечатления о Москве и — шире — всей молодой Стране Советов. Вместе с тем, Россия стала для писателя источником сильных впечатлений, осмыслить которые Беньямину представлялось возможным только по окончании поездки, что и определило специфику корпуса его «московских текстов»: от развернутого (фиксирующего все текущие впечатления) дневника к весьма подробному очерку (эссе) «Москва», нескольким более кратким эссе до сжатой, но довольно ёмкой рецензии, ярко репрезентующей обретенный Беньямином за время его поездки образ России.

Литература

1. Бенъямин В. Москва // Бенъямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе / Под ред. Ю. А. Здороваго. М.: Медиум, 1996. С. 163—209.
2. Бенъямин В. Русские игрушки // Бенъямин В. Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. А. Ромашко; общ. ред. и послесл. М. К. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 192—193.
3. Кожанова Д. Богема, партия и крепость (Вальтер Бенъямин. Московский дневник) // Октябрь. 2013. № 6. С. 26—30.
4. Маликова М. Э. Аллегорический крах: к описанию оснований московского взгляда Вальтера Бенъямина // Европа в России: сб. ст. / Под ред. П. Песонена, Г. Обатнина, Т. Хуттунена. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 346—351.
5. Петровская Е. В. Города Вальтера Бенъямина (вместо предисловия к публикации) // Логос. 2000. № 5-6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_02.htm
6. Ромашко С. А. Между Москвой и Парижем: Вальтер Бенъямин в поисках новой реальности // Бенъямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе / Пер. с нем. С. А. Ромашко. М.: Медиум, 1996. С. 3—12.
7. Рыклин М. К. Две Москвы. «Московский дневник» 70 лет спустя // Бенъямин В. Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. А. Ромашко; общ. ред. и послесл. М. К. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 214—216.
8. Сафронов А. В. Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, «лагерная» проза). Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2012. 108 с.
9. Хазанов Б. Улица Аси Лацис: Бенъямин / Б. Хазанов. Оправдание литературы: по страницам и странам с Борисом Хазановым // Иностранная литература. 2013. №12. С. 27—38.
10. Шолем Г. Предисловие // Бенъямин В. Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. А. Ромашко; общ. ред. и послесл. М. К. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 11—19.